

Вадим ДОЛГОВ

КЛИО И ОГЮСТ

очерки
исторической
социологии

Вадим ДОЛГОВ

КЛИО и ОГЮСТ

ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Нестор-История
Санкт-Петербург
2020

УДК 316.4.051

ББК 63.2

Д64

Д. К. Абакаров, кандидат социологических наук
(Институт государственной службы и управления РАНХиГС);
П. А. Орлов, кандидат исторических наук
(Архитектурно-этнографический музей-заповедник «Лудорвай»)

Долгов В. В.

Д64 Клио и Огюст: очерки исторической социологии. — М. ; СПб.: Нестор-История, 2020. — 372 с.

ISBN 978-5-4469-1623-8

Социология — это наука, живущая настоящим, история — прошлым. Что будет, если посмотреть на исторический материал через призму социологических теорий? Книга, которую вы держите в руках, — есть реализация этой идеи. Куда, с точки зрения современной стратиграфической теории, отнести евнухов султана Сулеймана Великолепного? Upper middle class? Что общего у индийского потлача и «черной пятницы»? Какие социальные лифты действовали в Советском Союзе? Правда ли, что русские и украинцы — братские народы? Использование социологических методов может пролить свет на эти вопросы.

ISBN 978-5-4469-1623-8

© В. В. Долгов, 2020

© Издательство «Нестор-История», 2020

Оглавление

Введение	4
Глава 1. «Король глядит угрюмо: “Опять в краю моем Цветет медвяный вереск, А меда мы не пьем!”» Социология власти и авторитета	46
Глава 2. «Всё наше общество — пирог. И мы в нем лишь прослойки. Такой нерадостный итог Минувшей Перестройки». Социальная стратификация и мобильность	81
Глава 3. «Мальчик радостный пошел, И решила кроха: Буду делать хорошо, И не буду плохо». Социальные нормы и отклонения	174
Глава 4. «И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой Тунгуз, и друг степей калмык». Социология культуры, гендера и этноса	244
Приложения	
Представления о социальной стратификации в Древней Руси XI–XIII вв.	278
Вузовские преподаватели — очерк социально-профессионального статуса	327
Славянство, Русь и Московия — как украинская пропаганда делит «древнерусское наследие»	357

Введение

Социология — это наука, живущая настоящим, история — прошлым. Что будет, если посмотреть на исторический материал через призму социологических теорий? Книга, которую вы держите в руках, — есть реализация этой идеи.

Куда, с точки зрения современной стратиграфической теории, отнести евнухов султана Сулеймана Великолепного? Upper middle class? Что общего у индейского потлача и «черной пятницы»? Какие социальные лифты действовали в Советском Союзе? Правда ли, что русские и украинцы — братские народы? Использование социологических методов может пролить свет на эти вопросы.

Социология относится к группе учебных и научных дисциплин, называемых общественными. В этом смысле она родственна, например, юриспруденции. Иногда юристов ошибочно именуют гуманитариями. С социологами же этого не случается практически никогда. Причина этого, видимо, в том, что в массовом сознании социология воспринимается как наука, густо замешенная на математике. Во многом так оно и есть: математические методы играют в социологии огромную роль. Однако ими ее научный инструментарий не исчерпывается.

Между тем историю на пару с филологией причисляют к гуманитарным дисциплинам. Акцент в данном случае делается на то, что в центре гуманитарных наук, как следует из самих названий, находится человек, а общественных — общество как целое.

Согласно приведенной классификации, филология приходится истории, образно говоря, «родной сестрой», а социология — «двоюродной». Американский социолог, профессор Бостонского университета Питер Бергер, размышляя о том, с представителями каких

дисциплин будет пересекаться путь социолога, писал: «Есть, однако, путешественник, с которым социолог чаще, чем с другими, будет встречаться на своем пути. Этот путешественник — историк. В самом деле, стоит только социологу обратиться от настоящего к прошлому, как предмет его интересов будет очень трудно отличить от предмета интересов историка»¹. Однако преподавание социологии на исторических факультетах часто построено так, что начинающие историки не могут опознать в социологии не только «двоюродную» сестру избранной ими науки, но и вообще не видят ничего родственного. Исправить эту ситуацию, или, по крайней мере, сделать в этом направлении шаг, призвана настоящая книга. Это ее первая цель.

История долгое время существовала вместе с филологией. В университетах XIX и XX вв. эти дисциплины изучались в рамках историко-филологических факультетов. Но уже с конца XIX в. ситуация начала меняться. Связано это было с тем, что на смену классическим историко-филологическим штудиям пришли исследования нового рода. Общество поставило перед историей как наукой цель не просто открыть картины прошлого, но найти закономерности разворачивания исторического процесса. Таким образом, на смену «человеческой» составляющей истории пришла «общественная». Это сблизило историю — науку, возраст которой насчитывает несколько тысячелетий, а истоки теряются во мгле раннеантичного мира, с социологией — наукой молодой, возраст которой не превысил еще и двухсот лет.

На современном этапе социология может рассматриваться как теоретический вывод из эмпирической конкретики, собранной исторической наукой на протяжении нескольких столетий. Верно и обратное: теоретический багаж социолога может качественно пополнить методологический арсенал историка.

Социологи с большим интересом используют исторический материал. Сложилась даже специальная дисциплина: историческая социология. Но дисциплина эта — в большей степени социологическая,

¹ Бергер П.Л. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 27.

чем историческая. В рамках этого направления созданы весьма влиятельные концепции. Это и мир-системный подход Иммануила Валлерстайна, теория элит Ричарда Лахтмана и многие другие. Отличительная черта этих работ — нацеленность на объяснение современности через социальные процессы в истории. Мир-системный подход показывает, почему западные страны более экономически успешны, чем Африка, Восточная Европа, Азия и другие периферийные территории². Лахтман, указывая на различия в функционировании британских и, например, испанских элит показывает, почему капитализм в Британии развивался успешней, чем в Испании³. Есть крайне любопытная работа Эрика Хоффера, посвященная массовым движениям в истории, которая опять же обращена ко дню сегодняшнему⁴. Большую роль в современной социологической и политологической мысли играют работы Чарльза Тилли, в которых американский социолог развивает интереснейшую теорию о происхождении государства из рэкета. Причем, по мысли Тилли, эта глубинная родственность сохраняется и сейчас⁵. Однако, так или иначе упомянутые ученые в основном пишут о дне сегодняшнем, что, собственно и делает их социологами, а не историками в строгом смысле слова.

Итак, социологи интересуются историческими материалами и активно их используют. А вот обратная связь прослеживается гораздо слабее. Историки мало берут из методологического арсенала социологии. Работ, в которых исторический материал был обработан с привлечением социологических методов, — считанные единицы. Из последнего интересного можно вспомнить, пожалуй, только

² *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер с англ. П. М. Кудюкина под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001.

³ *Лахтман Р.* Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени / Пер. с англ. А. Лазарева. М.: Территория будущего, 2010.

⁴ *Хоффер Э.* Человек убежденный: Личность, власть и массовые движения. М.: Альпина Паблишер, 2017.

⁵ *Tilly Ch.* War Making and State Making as Organized Crime // Bringing the State Back In / Ed. by P. Evans, et al. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1985. P. 169–187.

«Социальную историю России периода империи» петербургского профессора Б. Н. Миронова. Перспективы есть большие.

Облегчить студентам-историкам освоение азов социологического инструментария призвана эта книга. Это — цель вторая.

Периодически повествование будет прерываться фрагментами, выделенными кавычками. Они содержат личные наблюдения автора. В этих абзацах будут приводиться примеры, не претендующие на роль основания для широких обобщений, но иллюстрирующие обсуждаемый тезис.

Начать следует с азов.

Социология — наука об обществе как системе. В данном случае, прежде всего, следует понимать, что такое система? Несмотря на то что понятие это должны знать уже ученики старших классов школы, нередко настоящего понимания нет и среди студентов.

Во-первых, система предполагает наличие элементов. Далеко не всегда элементы существуют в реальности отдельно, как детали конструктора. Сам человек, рассматривая какое-то явление как систему, выделяет в ней элементы. Например, человеческое тело может быть мысленно «расчленено» на ноги, руки, туловище и голову. В реальности, конечно, голова и конечности составляют единство. Но мысленно делить это единство ребенок приучается еще в раннем детстве, когда осваивает язык: ему показывают картинку, и просят указать, где у человека находится голова, руки, ноги и пр. Таким образом, представление о том, что система — это сочетание элементов, формируется на уровне повседневного сознания в раннем детстве.

Во-вторых, понятно, что элементы эти должны быть связаны между собой.

В-третьих, это самое главное, но при этом не самое очевидное: система должна порождать качества, не сводимые к качествам отдельных элементов. Продолжая аналогию с человеческим телом, системное качество, какое есть у тела человека, но не у находящейся отдельно ноги, руки или головы, — это жизнь. Понятно, что ни рука, ни нога в отрыве от человека эти качеством наделены не будут. Кроме того, даже в случае, если органы не теряют связи между собой, но нового качества не образуется, можно говорить, что система (во всяком случае, в изначальном виде) уже не существует: перед нами уже не человек, а труп.

Как систему социологи рассматривают совокупность людей — социальную группу. Они абстрагируются от того факта, что группа состоит из самостоятельных личностей, которые на первый взгляд между собой не связаны. Группа рассматривается как целостный организм, в котором отдельные люди — лишь клетки, из которых этот организм состоит.

Идея считать человека лишь клеткой организма более высокого таксономического уровня может показаться странной, и даже поначалу вызвать некоторый эмоциональный протест. Но то, что группа — это своего рода существо (или, по выражению Э. Дюркгейма, «реальность *sui generis*»), очевидно всем, кому приходится работать с коллективами. Например, это очевидно преподавателям. Студенческие группы — это такие забавные «зверьки», которые могут различаться характерами, умом, чувством юмора и пр. В конце концов, они могут различаться настроением. Группа может быть сонной, возбужденной, агрессивной, веселой. При этом каждый из входящих в группу студентов изначально может не обладать указанным качеством и не находиться в указанном эмоциональном состоянии. Всему причина — эмоциональное заражение.

Как это происходит? Допустим, студент идет на занятия в хорошем расположении духа, весело насвистывая популярную мелодию. Приходит в университет, в котором царит сонная атмосфера. Надолго ли хватит его заряда? Скорее всего, ненадолго. Среди вялых однокурсников он и сам в скором времени поникнет.

Возможна и обратная ситуация. Пошли мы на учебу без особой радости. Плетемся в унынии ко второй паре, не выспавшись. Приходим в аудиторию с настроением забиться в угол и вздремнуть. Но не тут-то было! В аудитории царит общее веселье и кавардак, вызванный каким-то событием, произошедшим на первой паре. Изначально мы будем стараться сохранить свое сонное состояние, отгородиться даже чисто физически от происходящего вокруг. Но пару раз нас нечаянно толкнут, кто-то попросит ластик, краем уха мы услышим смешной анекдот, рассказанный на соседней парте. Так постепенно нас помимо нашего желания растормошат, и если наше настроение не было обусловлено серьезными неприятностями, а только лишь некоторой эмоциональной заторможенностью, мы

будем вовлечены в общую круговерть и станем органичной клеточкой живого организма — веселого в настоящий момент.

Именно этим объясняется выработанный столетиями обычай справлять праздники не в одиночку, а вместе. Многие знают, что Новый Год, встреченный в одиночестве, скорее всего, обернется грустью и депрессией. Удержать позитивный настрой без веселой компании сложно. Поэтому люди объединяются с другими людьми, твердо намеренными веселиться в новогоднюю ночь. Сообща создать нужный эмоциональный фон гораздо проще.

Этот эффект используется часто: ему подвержены болельщики на стадионе, зрители в театре, солдаты в строю и пр. Используется он и в массовых акциях протеста. Собранные в агрессивную толпу, даже весьма интеллигентные и робкие люди оказываются способными совершить самые чудовищные по своей жестокости поступки. Когда такого человека спрашивают, как он мог жечь машины, топтать живых людей и бить витрины, он не знает, что сказать. В этот момент он был не Ивановым Иваном Ивановичем, и не Петровым Петром Петровичем, а лишь клеточкой большого организма — толпы, почти не рассуждающей, вовлеченной в общее движение и в общее действие.

На понимании социально-психологических особенностей толпы построены методы работы спецслужб. Самая главная задача в такой ситуации — разрушение системы толпы и деанонимизация. Необходимо, чтобы собравшиеся люди перестали себя воспринимать как единое целое. Для этого ОМОН применяет так называемую «змейку». Сотрудники полиции, сцепившись руками, образуют змейку, и, врезаясь в толпу, растаскивают в стороны небольшие группы людей, которые, потеряв связь с плотной массой народа, приходят в себя и рассеиваются. На массовых митингах может использоваться нарочито демонстрируемая видеосъемка: ощутив на себе пристальный «взгляд» телеобъектива, человек также перестает быть «клеточкой» топы и возвращается в свое индивидуальное бытие. Может использоваться такой прием: по громкой связи называют имена присутствующих (или якобы присутствующих) в толпе людей. Услышав, что органы правопорядка располагают информацией (списком неких имен), человек подсознательно начинает опасаться, что и его личность известна, — это тоже разрушает «эффект толпы».

В качестве систем могут рассматриваться и большие, и малые группы. Функционирование групп различного характера и величины может иметь свои особенности. Но, так или иначе, они составляют «организмы», которые и изучаются социологами как объекты, не сводимые к элементам, их составляющим. Это основополагающий принцип. Из него случаются исключения, но правило от них не меняется.

Зачем нужна социология?

Обычно социологи выделяют несколько главных функций своей науки. Некоторые из них являются общими для всех наук: не только общественных и гуманитарных, но и естественных. К таковым относятся сбор эмпирических данных и их теоретическое осмысление. Однако важное отличие социологии, которое сами социологи понимают как весомый ее плюс, — это ее практическая ориентированность.

В этом направлении выделяется прогностическая, производственная и политическая функции.

К сожалению, а может быть и к счастью, — прогнозы социологов сбываются не всегда. Один из несбывшихся прогнозов — расчет роста численности населения в XX в. В начале XX в. по демографическим данным XIX в. был составлен график. Получалось, что население растет по параболе. Когда линию параболы продолжили до конца века, получилось, что к этому времени на Земле не должно остаться ни одного свободного пятачка. Вся поверхность суши должна была быть занята людьми, стоящими вплотную друг к другу.

Однако, как видим, этого не произошло. Население выросло, но не так грандиозно. Чего не учли при расчетах в начале XX в.? Оказалось, не учли многого. Во-первых, росту населения помешали две мировые войны, масштаб которых в начале века никто не мог себе представить. Но не это оказалось самым главным. Главным, и это во-вторых, оказалось изменение жизненных ценностей людей в XX в. Никто не мог себе такого представить. Ученые исходили из допущения, что чем лучше будут жить люди, тем

более активно они будут размножаться. Это допущение, справедливое в отношении животных, как оказалось, не работает в отношении человека. Точнее, работает, но до определенной стадии развития.

В «отсталых» обществах, в которых жизнь идет сообразно традиционному укладу, жизненная траектория человека выстраивается вокруг семейных ценностей. Ребенок, рожденный в небогатой глинобитной лачуге где-нибудь в центральноазиатском регионе, взрослея без электричества, телевидения, радио и Интернета, не имеет других целей, кроме как вырасти, жениться, нарожать детей и дожидаться внуков, которые пополняют производственные силы его семьи. Его сверстник в развитой европейской или североамериканской стране мечтает совсем о другом. Он мечтает увидеть мир — попутешествовать, мечтает сделать карьеру, мечтает получить от жизни максимум удовольствий, о которых он узнаёт из средств массовой информации. Семья и дети тоже присутствуют в его wish-list'e, но далеко не первым, и даже не вторым номером. Юный европеец отодвигает детей на тот жизненный период, когда все известные ему соблазны будут уже перепробованы. Нередко дело до них так и не доходит. Поэтому в неблагополучном Афганистане ситуация с рождаемостью обстоит гораздо лучше, чем в благополучной Норвегии. Кстати, если ориентироваться на этот показатель, Россия живет совсем неплохо: типологически жизненные стратегии наших сограждан ближе к норвежским. Интересно еще и то, что постепенно западный взгляд на жизнь завоевывает всё бóльшую популярность в мире. Относительно недавно в историческом масштабе Китай отчаянно сражался за снижение рождаемости. Лозунгом китайского правительства был: «Одна семья — один ребенок». Но теперь и китайцы начинают постепенно понимать, что деторождение — не единственное развлечение, придуманное человечеством. Недалек тот час, когда и китайское общество двинется по пути патологического старения. График роста численности населения круто изменил свое направление, и в настоящее время стал гораздо более пологим. Население растет, но совсем не так стремительно, как то предполагали в начале XX в.

Но, несмотря на то что социологические прогнозы, как было показано, сбываются не всегда, существовать без них современное

общество не может. Без социологической обработки статистических данных не сможет функционировать транспорт, промышленность, торговля и пр.

Важную роль играет социология в политической жизни. Социологи изучают предпочтения электората в самых разных сферах: от партийных симпатий до наиболее востребованных черт внешнего имиджа кандидатов. Это добросовестная и понятная составляющая деятельности социологов в политике.

Но есть и менее презентабельная составляющая. Наверное, многие замечали, что перед выборами средства массовой информации наперебой публикуют результаты опросов с рейтингами кандидатов. Казалось бы, никакого криминала в этом нет. Криминала действительно нет, если это результаты настоящих предвыборных опросов. Но так бывает далеко не всегда. Более того, доверять этим цифрам было бы крайне неосторожно. Дело в том, что эти якобы «результаты опросов» — сильнейший инструмент социально-психологических манипуляций. Неоднократно замечено: если люди видят на экране, что побеждает какой-либо из кандидатов — их симпатии начинают склоняться в его пользу. Действует естественный для большинства людей неосознанный конформизм: «Раз кандидат лидирует, значит, он чем-то хорош, в чем-то силен, ведь 86% не могут ошибаться». Таким образом, придуманное лидерство превращается в реальное.

Здесь стоит вспомнить и знаменитую «теорему Томаса». В «Психологическом словаре» она определяется так: «Теорема У. Томаса — феномен социального взаимодействия. Если человек определяет ситуацию как реальную, то она станет реальной по своим последствиям. Например, если вкладчики боятся, что их банк прогорит и поэтому забирают свои деньги, то банк действительно прогорит». В данном случае механизм не настолько элементарен, но результат такой же: если все будут уверены в победе кандидата У, то он, скорее всего, действительно победит.

Это социологическое явление объясняет важность государственной пропаганды в критические моменты истории. С одной стороны, часто пропаганда — это заведомая ложь. Но, с другой стороны, эта ложь «волшебным» образом становится правдой, если ее удается успешно внедрить в сознание народных масс.

Научно-популярное издание

Вадим Викторович Долгов

КЛИО И ОГЮСТ
Очерки исторической социологии

Корректор *А. М. Никитина*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *В. В. Долгов*

Подписано в печать 05.11.2018.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 23,25
Тираж 1000 экз. Заказ № 1933

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

Социология — это наука,
живущая настоящим,
история — прошлым.

Что будет, если посмотреть
на исторический материал через
призму социологических теорий?
Книга, которую вы держите
в руках — есть реализация
этой идеи.

Куда, с точки зрения современной
стратиграфической теории
отнести евнухов султана
Сулеймана Великолепного?
Upper middle class?

Что общего у индейского потлача
и «черной пятницы»?
Какие социальные лифты
действовали в Советском Союзе?
Правда ли, что русские
и украинцы — братские народы?

Использование социологических
методов может пролить свет
на эти вопросы.

